

Миграция сельского населения в России в 2010-е годы

Никита Владимирович Мкртчян
(Mkrtchan2002@rambler.ru), Российская
академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия.

Migration of the rural population in Russia in the 2010s

Nikita Mkrtchyan
(Mkrtchan2002@rambler.ru), The Russian
Presidential Academy of National Economy and
Public Administration (The Presidential
Academy, RANEPА), Russia.

Резюме: Внутренняя миграция сельского населения проанализирована с акцентом на ее различия в сельских пригородных и периферийных территориях в 2010-е годы, а также на особенности миграционного баланса сельских населенных пунктов разного размера. Рассмотрены возрастные особенности миграции с учетом этих различий. Расчеты выполнены с использованием индивидуальных деперсонифицированных данных мигрантов, позволяющих анализировать миграцию на детальном пространственном уровне, а также оценить влияние автовозврата на миграцию сельского населения и вскрыть его возможное искажающее влияние. Убыль сельского населения России в результате внутренней миграции в исследуемое десятилетие оценивается в 1,5-2,5 млн человек, периферийные села потеряли 2,5-3,5 млн. Сельские пригороды крупных городов и сельская глубинка принципиально различаются не только общим балансом миграции, но и ее структурными характеристиками. При том что периферийная сельская местность теряет молодое население, из малых сел часто уезжают семьи с детьми. На периферии идет переток населения из малых населенных пунктов в сравнительно крупные (т. е. он встроен в общестрановой переток населения вверх по поселенческой иерархии), но автовозврат сильно занижает его масштабы.

Ключевые слова: Россия, внутренняя миграция, сельские населенные пункты, пригороды, периферия, размеры населенных пунктов, возраст мигрантов.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Для цитирования: Мкртчян Н.В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы. Демографическое обозрение, 11(2), 21-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>

Abstract: Internal migration of the rural population is analyzed with an emphasis on its differences in rural suburban and peripheral territories in the 2010s, as well as on the features of the migration balance of rural settlements of different sizes. The age-related characteristics of migration are considered taking into account these differences. The calculations were conducted using individual de-identified migrant data, which allows us to analyze migration at a detailed spatial level, as well as to assess the impact of auto-return on the migration of the rural population and reveal its possible distorting influence. The rural population decline of Russia, which is a result of internal migration in the decade under study, is estimated at 1.5-2.5 million people, while peripheral villages lost 2.5-3.5 million. Rural suburbs of large cities and the countryside differ fundamentally not only in the overall balance of migration, but also in its structural characteristics. While the peripheral rural areas are losing their young population, small villages are losing families with children. On the periphery, there is a flow of population from small settlements to relatively large ones (i.e., it is built into the countrywide flow of population up the settlement hierarchy), but auto-return greatly reduces its scale.

Keywords: Russia, Internal migration, rural settlements, suburbs, periphery, size of settlements, age of migrants.

Funding: The article was prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Mkrtchyan N. (2024). Migration of the rural population in Russia in the 2010s. Demographic Review, 11(2), 21-43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>

Введение

На протяжении многих десятилетий сельское население России сокращалось в результате миграции. На ранних этапах урбанизации именно это обеспечивало быстрый, в отдельные годы (индустриализация, 1930-е годы) – взрывной рост городского населения страны (Рыбаковский и др. 1988; Зайончковская 1999). Одновременно эта миграция вела к изменению половозрастной структуры, сокращению численности населения, а впоследствии – к депопуляции прежде заселенных сельских территорий (Иоффе, Нефедова 2004). Однако за последние три десятилетия роль миграции в динамике численности сельского населения России менялась.

Сразу после распада СССР миграционный прирост населения России резко возрос, в отдельные годы он достигал 1 млн человек и был представлен в основном «репатриацией русских» из бывших республик в Россию. Этот миграционный приток населения в условиях трансформационного экономического кризиса подпитывал не только городское, но и сельское население, в результате чего оно за несколько лет практически компенсировало потери последнего советского десятилетия. Однако отток сельского населения в города в результате внутренней миграции если и прекращался, то на 1-2 года, после чего убыль сельского населения в результате миграции возобновилась пусть не в прежних, но в достаточно значительных объемах.

Административно-территориальные преобразования, происходившие в 1989-2021 гг., увеличили, по нашей оценке, сельское население на 2,1 млн человек. Эти преобразования включали как перевод городских поселений в сельские и наоборот, так и включение сельских населенных пунктов (СНП) в черту городов с переменой статуса проживающего в них населения с сельского на городское. Также есть и обратные случаи: выделение сел из состава городов, например, Ново-Бенойское сельское поселение выделено из г. Гудермес в 2017 г. При этом сельское население сокращается и переток населения в города играет в этом очень заметную роль.

Но сельская местность неоднородна, и эта неоднородность связана не столько с огромными размерами территории России, сколько с особенностями расселения населения, влиянием крупных городов на сельскую местность, формированием сельских пригородов и сохранением обширной сельской глубинки – периферийных территорий. Представленное исследование ставит целью проанализировать различия миграции в сельских пригородных и периферийных территориях в 2010-е годы, а также изучить возрастные особенности миграции сельского населения с их учетом. Кроме того, в работе предпринята попытка дать ответ на вопрос, как влияет размер сельских населенных пунктов, с учетом пригородного или периферийного положения, на их миграционный баланс.

Обзор ранее проведенных исследований

Вопросам неоднородности сельской местности (Алексеев, Сафронов 2017; Нефедова 2019), сложности разграничения сельского и городского населения в России (Трейвиш 2016) посвящены отдельные работы отечественных исследователей. Постепенно формируется целое направление исследований, изучающих пригороды крупных городов, в том числе сельские (Махрова 2014; Григоричев 2013; Бреславский 2020), появились работы, выполненные на крупномасштабном уровне, посвященные сельской глубинке (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019; Аверкиева, Зернов 2023). Исследования формируют понимание,

что социально-экономические и демографические различия между сельскими территориями очень велики. Происходит концентрация населения и трудовых ресурсов сельской местности на наиболее пригодных для ведения сельского хозяйства территориях страны, а также в крупнейших агломерациях (Нефедова, Мкртчян 2017). В этом процессе велика роль миграции, но о масштабах ее влияния на население сельских территорий разных типов и отдельных групп сельских населенных пунктов (СНП), тем более не на локальных территориях, а в масштабах страны, существует весьма общее представление.

Структурные особенности миграции, дающие представление о различиях ситуации в крупных городах, их пригородах и глубинке, нашли отражение в изучении прежде всего миграции молодежи (Мкртчян 2013; Эндрюшко 2018). Этот процесс получает дополнительный импульс в 2010-е годы, когда вузы и их филиалы вне региональных столиц активно закрывались (Габдрахманов и др. 2022). Поэтому отъезд из сельской местности с целью продолжения образования – массовая стратегия для сельской молодежи. Это подтверждают и социологические исследования (например, в Алтайском крае в 2003-2016 гг.), согласно которым после окончания школы из больших сел уезжают учиться в города 70-75% выпускников, из малых – 90-95% (Сергиенко, Иванова 2018). Значимость получения образования как причину миграции в городах и поселках городского типа (пгт) республики Хакасии показали результаты опроса 1000 респондентов, проведенного в 2018 г. (Тиникова 2020). Отсутствие социальных и образовательных учреждений в сельской местности – одна из основных причин отъезда молодежи (Чучкалов, Мищук, Греля 2021). Разумеется, все это происходит на фоне иных социально-экономических трансформаций.

Говоря о сельско-городской миграции, нельзя не упомянуть и о миграции горожан в село, например, в рамках «сельской джентрификации» (Аверкиева 2022), хотя миграция горожан в село может, естественно, идти и вне этого процесса. Сельская местность рассматривалась как «прибежище» в COVID-19 (Покровский, Макшанчикова, Никишин 2020) и новое место работы для удаленщиков (Никулина, Арефьева, Сарайкин 2022). Подобные люди, или потоки миграции, получившие, с легкой руки Н.Е. Покровского, название «центробежники» (Аверкиева и др. 2021), немногочисленны, их приток в сельскую местность, в глубинку не способен переломить идущий много десятилетий отток сельских жителей в города. Но он существует, и в локальных социумах благодаря социальной активности отдельных переселенцев оказывает важное влияние на сельскую местность. Однако эта миграция не является темой настоящего исследования. В данной статье также не рассматриваются вопросы дачного освоения сельской местности, и в целом «дачеизации» (Трейвиш 2014), это – предмет отдельного, углубленного исследования.

Методика и данные

В статье рассмотрена внутренняя миграция сельского населения. Для анализа были использованы индивидуальные деперсонифицированные данные о миграции в России за 2011-2020 гг., полученные в Росстате по специальному запросу. Это данные можно детализировать вплоть до отдельных населенных пунктов (НП). Для геопространственной привязки населенных пунктов использовали их географические координаты. Это давало возможность рассчитывать расстояния от каждого сельского населенного пункта до крупных городов по прямой (так называемое «евклидово расстояние»). На сравнительно малых расстояниях оно может не учитывать кривизну земной поверхности.

Расстояние от сельских населенных пунктов до крупных городов рассчитывались с целью выделения пригородных населенных пунктов крупных, с числом жителей 100 тыс. человек и более, городов. К пригородам были отнесены:

- для гг. Москва и Санкт-Петербург – все населенные пункты, удаленные от центров этих городов на расстояние до 100 км;
- для городов с населением 750 тыс. человек и более (или миллионников и «подмиллионников»; на дату Всероссийской переписи населения 2010 г. к подмиллионникам относились гг. Пермь, Красноярск, Воронеж и Саратов. К 2020 г. первые три из них преодолели миллионный рубеж) – до 50 км от центра;
- для городов с населением 500-750 и 250-500 тыс. жителей – до 30 км от центра;
- для городов с числом жителей 100-250 тыс. человек – до 20 км от центра.

Остальные населенные пункты, за пределами этих радиусов – средние и малые города, поселки городского типа, многочисленные сельские населенные пункты отнесены к периферии. В данном случае периферия – это, скорее, местность, населенные пункты, находящиеся вне зоны влияния крупных городов. Отдавая отчет в механистичности подобного способа делимитации пригородов и периферии, отметим, что пригороды, выделенные данным образом, достаточно близко совпадают с границами крупногородских агломераций (Антонов, Махрова 2019), но не искажаются административными границами муниципальных образований. Для городов с людностью менее 100 тыс. человек пригороды не выделяли. Такие города, на наш взгляд, чаще всего не могут оказать существенного влияния на миграционный баланс окружающих сельских населенных пунктов, по крайней мере, такого серьезного, как крупные города. В отдельных частях страны, например в районах Крайнего Севера, где крупных городов почти нет, их роль (административную, обслуживающую и др.) начинают выполнять средние и даже малые города (Мкртчян 2024). Но они все равно в подавляющем большинстве не имеют миграционного прироста населения и, следовательно, не могут распространить его на ближайšie к ним населенные пункты.

Предпринятое в данной статье деление территории России на крупные города и их пригороды, с одной стороны, и периферию – с другой, достаточно грубое. Такое разделение предпринято для оценки перетока населения в масштабах всей страны, выявления ключевых различий миграционного баланса сельских населенных пунктов, находящихся в сфере непосредственного влияния крупных городов и вне его. Автор отдает себе отчет в том, что в России, наряду с центрами и их пригородами и периферией, существуют «полупригороды» и «полупериферия», но обоснование их выделения и оценка миграционного баланса отнесенных к ним сельских населенных пунктов не входило в круг задач данной работы.

Используемые данные позволяют отдельно рассматривать миграцию с учетом и без учета автовозврата, об искажающем влиянии которого на миграцию в Россию уже известно из некоторых работ (Мкртчян 2020; 2023), в данном исследовании проводится оценка его влияния на миграцию сельского населения.

К сельским населенным пунктам были отнесены, помимо прочих, поселки, села и деревни, входящие в состав городских округов, в том числе федеральных городов Москвы и Санкт-Петербурга. Это – важное методическое замечание, имеющее существенное влияние на численность сельского населения и итоги его миграции. До самого последнего

времени население поселков, сел и деревень т.н. «Новой Москвы» считалось сельским, его численность по текущему учету на начало 2022 г. составляла 220,8 тыс. человек. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. (ВПН-2020), фактически проведенной по состоянию на 1 октября 2021 г., оно сильно увеличилось (до 411,5 тыс. человек), но перестало быть сельским (как ни странно, Росстат не сообщал об этом достаточно масштабном изменении в муниципально-территориальном устройстве). В данной работе население поселков, сел и деревень Новомосковского и Троицкого округов г. Москвы отнесено к сельскому населению. Также, чтобы данные по двум «столицам» были сопоставимыми, население внутригородских поселков Санкт-Петербурга с суммарным числом жителей (согласно ВПН-2010) 120,6 тыс. человек отнесено к сельскому населению. Мы понимаем, что в случае Москвы это абсолютно оправданно, так как миграция сельского населения «Новой Москвы» учитывалась в рассматриваемый период как миграция сельского населения. В случае Санкт-Петербурга эта миграция учитывалась как миграция городского населения, поэтому такое отнесение завышает миграцию сельского населения в данной крупногородской агломерации и в целом в пригородах крупных городов России. Однако это принципиально не влияет на переток населения между пригородами и крупными городами.

Группировка сельского населения по размерам населенных пунктов приведена на начало исследуемого периода, т. е. на основе данных ВПН-2010. Это вносит определенные методологические ограничения в исследование: с одной стороны, отдельные СНП, особенно в пригородах, многократно увеличили численность населения и стали городами (Мурино и Кудрово Ленинградской области); с другой стороны, во многих СНП, прежде всего, на периферии, за этот период сократилось число жителей, и они к концу 2010-х годов перешли в другую «размерную» группу населенных пунктов. Кроме того, часть НП перестала существовать, а часть вновь возникла. Решения, позволяющего полностью учесть все происходящие изменения, нет, но все эти ограничения не меняют коренным образом картины анализируемых в статье миграционных процессов.

Численность сельского населения России по данным ВПН-2010 составила 37,5 млн человек, согласно ВПН-2020 – 37,1 млн. С учетом вышеописанных методических подходов, согласно нашим расчетам, численность сельского населения составила, соответственно, 38,5 млн¹ и 37,6 млн человек. Из них в пригородах крупных городов в 2010 г. проживали 9,3 млн человек, за их пределами, на периферии – 29,2 млн. В 2021 г. численность сельских жителей в пригородах увеличилась до 11,7 млн человек, на периферии сократилась до 25,9 млн.

В работе предпринята попытка минимизировать влияние административно-территориальных преобразований (АТП), или муниципально-территориальных преобразований (МТП) на состав сельского населения и число населенных пунктов. Так, достаточно многочисленные СНП в Забайкальском крае (по непонятной причине, видимо, объясняющейся какими-то местными условиями, села здесь были буквально разделены надвое и сразу после ВПН-2020 вновь «соединены») и в Республике Карелия, выделившиеся из других СНП в межпереписной период, также рассматривали вместе с «материнскими» СНП. Но все такие изменения учесть было невозможно, особенно если они касались очень мелких СНП с населением в несколько человек.

¹ С учетом Республики Крым и г. Севастополь.

Можно выделить группу населенных пунктов, не имевших по переписи 2010 г. населения, но за межпереписной период население в них появилось. Общая численность этого населения на периферии оценивается в 22,8 тыс. человек. Это могут быть немногочисленные возрожденные села или поселки; выделенные из других населенных пунктов территории, ставшие самостоятельными; вновь возникшие населенные пункты. В пригородах такие населенные пункты также есть, на дату ВПН-2020 (1 октября 2021 г.) число их жителей составило 31,1 тыс. человек, но не все они являются СНП (например, Иннополис близ Казани). Конечно, значительная часть населения этих вновь образованных или возродившихся населенных пунктов – результат миграции.

Результаты

Сельская местность в России испытывает миграционную убыль населения, которая, если и прерывается, то ненадолго, и не всегда цифры, которые показывает статистика, имеют безупречную основу. За более-менее длительный период в разных официальных статистических изданиях можно найти данные о миграционном приросте (убыли) сельского населения, различающиеся кардинальным образом. В особенности, это касается данных за 1990-е гг. Единственное, что можно сказать с определенностью – если миграционный прирост сельского населения имеет место, то он обеспечивается международной миграцией. Сильнейший вклад в разноразличные оценки вносят и пересчеты от итогов переписей населения, причем они могут влиять с противоположным знаком (таблица 1).

Таблица 1. Миграционный прирост (убыль) сельского населения России в 1989-2021 гг. с учетом и без учета корректировок от итогов ВПН-2002, 2010 и 2020 (2021) гг., тыс. человек

Период	До корректировок от итогов переписей	После корректировки в 2002 и 2010 гг.	Корректировка
1989-2002	700,6	684,2	-16,4
2003-2010	-243,8	-813,8	-570,0
2011-2021	-793,1	-404,1*	389,0*

Источники: Демографические ежегодники России 2002, 2005, 2009, 2021, 2023 г.;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2002 г. Статистический бюллетень;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.;

Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 г.

*Примечание: * – Данные без учета 2014 г., корректировка по которому не была опубликована.*

В этих условиях оценивать результаты миграции сельского населения можно только за среднесрочные отрезки данных, которые являются однородными по применяемой методике сбора и обработки. В данной статье выбран период 2011-2020 гг., за который имеются данные с возможностью их точной пространственной привязки.

Миграция пригородного и периферийного сельского населения

За 2011-2020 гг. сельская местность ежегодно теряла за счет внутренней миграции 138,7 тыс. человек, однако без учета автовозврата эти потери увеличивались до 257,6 тыс. (таблица 2). Автовозврат снижал отток из периферийных сел, а пригородным, напротив, немного уменьшал прирост. Без учета автовозврата пригородные СНП ежегодно увеличивали население на 1% за счет внутренней миграции, периферийные же теряли 1,3%. Получается, сельские пригороды являются, наряду с крупными городами, наиболее

миграционно привлекательными населенными пунктами страны, тогда как сельская периферия располагается на другом полюсе – оттока.

Таблица 2. Прирост (убыль) пригородного и периферийного сельского населения России в миграции в пределах России, 2011-2020 гг., в среднем за год

	Всего		Без учета автовозврата		Автовозврат	
	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000
Сельская местность - всего	-138,7	-3,6	-257,6	-6,8	118,8	3,1
пригородные НП	97,3	9,3	105,4	10,0	-8,1	-0,8
периферийные НП	-236,1	-8,6	-363,0	-13,2	126,9	4,6

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Как следует из более ранних исследований (Мкртчян 2023), автовозврат в первой половине 2010-х годов проявлялся менее явно, чем во второй половине десятилетия, поэтому в последние годы его влияние на баланс периферийного сельского населения наиболее велико. Расчеты показывают (таблица 3), что в начале 2010-х годов влияние автовозврата на снижение потерь периферийного сельского населения быстро нарастало, к 2016 г. автовозврат занижал миграционную убыль сельской глубинки почти наполовину, а в 2020 г. это занижение стало более чем двукратным. С учетом автовозврата миграционная убыль сельской периферии к 2020 г. сократилась относительно 2011 г. в 2,46 раза, без учета автовозврата – только на 12%, а если не брать в расчет 2020 г., то она к концу десятилетия увеличилась. Отток из всей сельской местности, включая пригороды, за исключением 2020 г., не падал ниже 200 тыс. человек год.

Таблица 3. Динамика миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом и без учета автовозврата, миграция в пределах России, тыс. человек

	С учетом автовозврата			Без учета автовозврата		
	сельская местность, всего	в том числе:		сельская местность, всего	в том числе:	
		пригороды	периферия		пригороды	периферия
2011	-226,8	76,1	-302,8	-227,3	76,3	-303,6
2012	-233,0	68,6	-301,5	-283,3	80,0	-363,2
2013	-242,4	67,1	-309,6	-324,3	76,8	-401,1
2014	-203,1	68,6	-271,6	-312,9	85,8	-398,8
2015	-118,7	98,1	-216,8	-268,0	106,1	-374,0
2016	-97,6	89,6	-187,2	-254,5	99,3	-353,8
2017	-98,9	109,6	-208,5	-265,5	115,2	-380,6
2018	-99,7	145,4	-245,2	-266,4	151,7	-418,0
2019	-49,2	145,4	-194,6	-214,9	150,0	-364,9
2020	-18,0	104,9	-122,9	-158,7	112,9	-271,6
Итого	-1387,5	973,3	-2360,8	-2575,7	1054,1	-3629,8

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Размер сельских населенных пунктов совсем по-разному влияет на миграционный баланс в пригородах и на периферии. Как видно из таблицы 4, наиболее интенсивный миграционный прирост в пригородах имели самые малые села, а на периферии те же села испытывали самую интенсивную миграционную убыль. Это может быть следствием того, что в пригородах, в особенности расположенных в непосредственной близости от крупных городов, территория именно малых СНП может служить удобной площадкой для нового жилищного строительства: многоэтажек, вынесенных за черту города вследствие его

разрастания за свои границы, или коттеджных поселков. На периферии же чем меньше СНП, тем с большей вероятностью проживающие в нем жители будут лишены тех или иных базовых услуг, так как в них нет или закрыты в ходе оптимизации школы (Егоров, Николаев 2022; Егоров 2022) или учреждения здравоохранения. В отличие от жителей пригородов, которые в большинстве своем совершают регулярные поездки в крупные города, для жителей периферии получить необходимые услуги в соседнем СНП зачастую проблематично. Видимо, это является важной причиной интенсивной миграционной убыли населения периферийных сел.

Таблица 4. Прирост (убыль) сельского населения России по размерам СНП, миграция в пределах России, 2011-2020 гг., в среднем за год

Численность населения, тыс. человек	С учетом автовозврата		Без автовозврата	
	тыс. человек	на 1000	тыс. человек	на 1000
Пригородные НП				
более 10	4,9	5,3	4,9	5,4
1-10	54,4	8,5	58,4	9,1
0,5-1	4,5	3,8	4,5	3,8
0,1-0,5	23,6	17,9	25,4	19,3
менее 0,1	9,9	18,9	12,2	23,1
Периферийные НП				
более 10	-3,1	-1,5	-6,7	-3,4
1-10	-71,0	-5,8	-117,1	-9,6
3-10	-22,5	-4,0	-41,1	-7,2
1-3	-48,4	-7,5	-76,0	-11,7
0,5-1	-56,8	-10,5	-86,2	-15,9
0,1-0,5	-85,8	-13,3	-125,8	-19,5
менее 0,1	-19,4	-13,1	-27,1	-18,4

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Составляющие миграционного баланса пригородных и периферийных сел различны (таблица 5). Пригородное село имеет миграционный прирост не столько в миграции с периферийными территориями (как городскими, там и сельскими), но и с крупными городами, вокруг которых они формируются. Этот переток может измерять субурбанизацию в России, но лишь формально. На территории СНП, особенно граничащих с крупными городами, зачастую вырастают и заселяются многоэтажные кварталы, неотличимые от городской застройки. Села Мурино и Кудрово Ленинградской области – не единственные примеры, подобные районы можно найти вблизи многих крупных городов. В отличие от пригородных, периферийные СНП теряют население прежде всего из-за миграции в крупные города и их пригороды, а также в сравнительно крупные населенные пункты на периферии. Большие потери населения из-за перетока в крупные города и их пригороды у сельской глубинки складываются не столько потому, что ее жители стремятся переехать сразу в них, минуя малые и средние города, а по причине того, что в России уже почти 2/3 населения проживают в крупных городах и их пригородах, т. е. они имеют огромный демографический вес.

Без учета автовозврата переток из села в глубинку в крупные города еще более усиливается. Нельзя утверждать, что возвращения в сельскую местность после проживания с оформлением регистрации по месту пребывания (во время учебы в вузах и колледжах, работы в городе и утраты ее) не существует. Поэтому неверно считать, что автовозврат – полная статистическая фикция, артефакт. С другой стороны, нет никаких оснований считать,

что массовое возвращение в село после окончания временной регистрации в городах (по окончании учебы, по иным причинам) имеет место.

Таблица 5. Составляющие миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом его пригородного/периферийного положения, миграция в пределах России, 2011-2020 гг., тыс. человек

Группы населенных пунктов	Сельское население - всего		Пригородные НП		Периферийные НП	
	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата	с учетом авто-возврата	без учета авто-возврата
Россия, всего	-1381,9	-2568,5	974,1	1054,2	-2356,1	-3622,7
Крупные города и их пригороды - всего	-1178,4	-2253,6	579,3	556,6	-1757,7	-2810,2
Москва и Санкт-Петербург	-42,5	-187,2	67,2	43,2	-109,7	-230,3
Пригороды Москвы и Санкт-Петербурга	-250,3	-386,2	-20,8	-39,9	-229,5	-346,3
Города с населением 750-1600 тыс. человек	-110,3	-330,5	190,9	188,5	-301,1	-519,0
Пригороды 750-1600	-103,6	-132,7	3,0	5,3	-106,6	-137,9
Города с населением 100-750 тыс. человек	-499,0	-1003,1	329,0	343,8	-828,0	-1347,0
Пригороды 100-750	-172,8	-213,9	10,0	15,8	-182,8	-229,7
Периферия - всего	-203,5	-314,9	394,8	497,6	-598,4	-812,5
В том числе населенные пункты с численностью населения:						
50000-100000	-102,6	-176,9	41,1	47,5	-143,7	-224,4
20000-50000	-155,1	-216,7	60,9	75,3	-215,9	-292,0
10000-20000	-125,4	-154,6	37,9	46,8	-163,4	-201,4
3000-10000	-188,1	-225,3	66,4	81,0	-254,6	-306,4
1000-3000	11,0	14,7	50,4	64,2	-39,3	-49,5
500-1000	75,0	96,7	50,2	64,5	24,8	32,2
100-500	201,5	247,3	67,2	89,2	134,3	158,1
1-100 человек	76,8	95,6	19,5	27,2	57,4	68,3
НП без населения на дату ВПН-2010	3,4	4,5	1,3	1,9	2,1	2,5

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

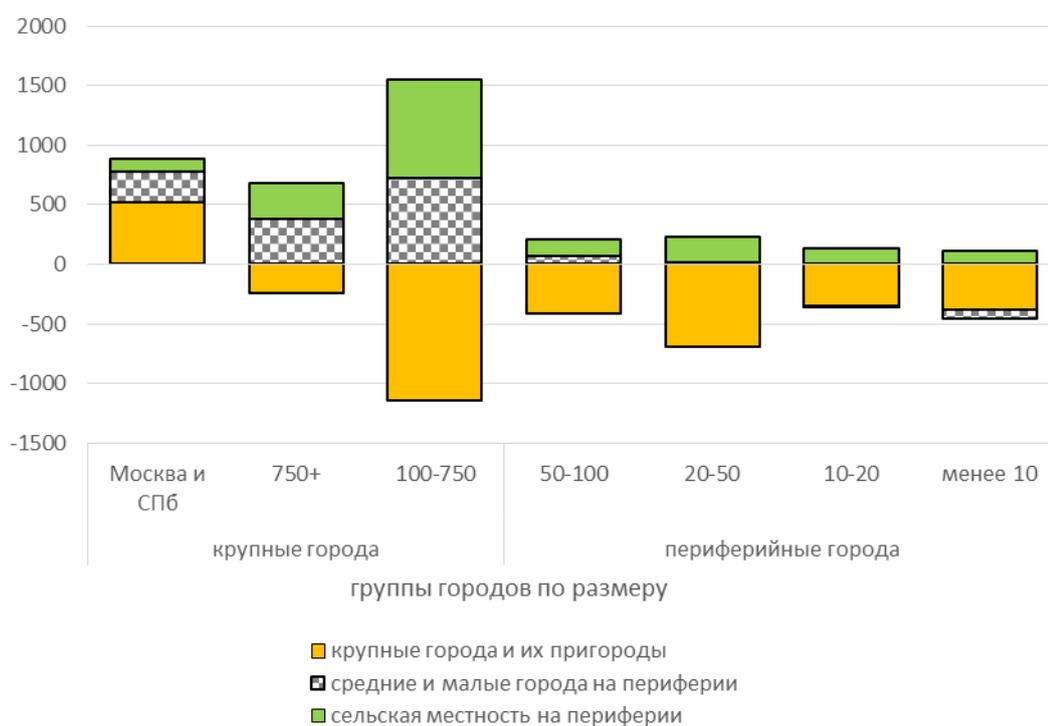
Примечание: Населенные пункты сгруппированы по численности проживающего в них населения на дату ВПН-2010.

Отток из сельской периферии

Сельская периферия – почти абсолютный миграционный донор всех городских населенных пунктов России, независимо от их размера. Для Москвы и Санкт-Петербурга роль периферийной сельской местности в миграционном приросте в 2011-2020 гг. была невелика и составляла 12,6% (рисунок 1). У городов-миллионников и «подмиллионников» роль периферийной сельской местности в миграционном балансе существенно уступала роли периферийных городских поселений. Миграционный баланс городов с населением 100-750 тыс. человек от периферийной сельской местности зависел уже немного больше, чем от притока из городских поселений на периферии. В самих же малых и средних городах и пгт приток из сельской местности – единственный источник, позволяющий лишь частично компенсировать отток в крупные города и их пригороды. Причем эта компенсация

составляет 30-37% и практически не зависит от размера городов.

Рисунок 1. Основные составляющие миграционного прироста городов разного размера, с учетом автовозврата, 2011-2020, тыс. человек



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Тем не менее крупнейшие сельские НП сохраняют свое население. Причина этого – переток населения из населенных пунктов меньшего размера. В целом сельское население глубинки перетекает в пользу СНП с числом жителей свыше 1 тыс. человек (таблица 6). В случае периферийных сельских населенных пунктов работают два правила: первое и главное – их размер, чем крупнее СНП, тем сравнительно благоприятнее в нем проживание. Например, райцентры, представленные сельскими населенными пунктами (их в России немного, но они есть), обладают полным набором социальных услуг (Егоров 2022), многими функциями обладают также села – центры сельских поселений (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019).

Второе правило – исторически на базе физико-географических и природных особенностей российской территории сложилось, что крупные СНП в основном располагаются на юге страны, в регионах с более благоприятным климатом. В условиях, когда население России в результате миграции сдвигается на юг, это дает бонус СНП юга страны.

В том числе по причине «южности» самые крупные периферийные СНП с числом жителей более 10 тыс. человек отдают население средним городам, но немного прирастают за счет миграции из малых городов и пгт. За счет миграции из НП меньшего размера они компенсируют 54,5% оттока в более крупные НП. Населенные пункты размером 3-10 тыс. жителей компенсируют «снизу» 40% оттока «наверх», 1-3 тыс. жителей – 12,2%, 0,5-1 тыс. – 7,3%, 0,1-0,5 тыс. – всего 1,8%. Чем меньше размер СНП, тем меньше возможности получить хоть какую-то подпитку снизу.

Таблица 6. Составляющие миграционного прироста (убыли) периферийных СНП с разной численностью населения, с учетом автовозврата, тыс. человек

Группы населенных пунктов	Периферийные СНП, всего	В том числе НП с численностью населения, тыс. человек					
		более 10	3-10	1-3	0,5-1	0,1-0,5	менее 0,1
Всего	-2356,1	-30,9	-224,6	-482,6	-567,0	-857,1	-193,8
Москва,							
Санкт-Петербург и их пригороды	-339,2	-17,9	-57,5	-76,6	-64,7	-89,4	-33,0
750-1600 тыс. и их пригороды	-407,8	-17,5	-83,5	-87,0	-99,8	-108,9	-11,1
500-750 тыс. и их пригороды	-337,0	-20,3	-75,3	-78,3	-74,4	-80,3	-8,5
250-500 тыс. и их пригороды	-425,1	-11,4	-67,1	-103,6	-94,8	-127,0	-21,3
100-250 тыс. и их пригороды	-248,6	-5,3	-46,6	-61,1	-57,8	-68,5	-9,3
50-100	-143,7	-0,1	-17,5	-29,8	-35,2	-52,9	-8,3
20-50	-215,9	0,8	-19,4	-46,4	-57,1	-80,2	-13,6
10-20	-163,4	1,2	-6,6	-31,2	-44,7	-67,5	-14,6
3-10	-254,6	5,0	-0,4	-36,0	-66,1	-124,9	-32,2
1-3	-39,3	8,9	24,7	0,0	-17,2	-43,0	-12,8
0,5-1	24,8	10,8	42,4	16,0	0,0	-30,5	-13,9
0,1-0,5	134,3	12,3	67,6	39,2	30,5	0,0	-15,3
Менее 0,1 тыс. человек	57,4	2,3	14,0	11,7	13,9	15,3	0,0
НП без населения на дату ВПН-2010	2,1	0,1	0,5	0,3	0,4	0,5	0,1

Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Примечание: Населенные пункты сгруппированы по численности проживающего в них населения на дату ВПН 2010 г.

Половина миграционной убыли сельской глубинки приходится на крупные города с населением свыше 100 тыс. жителей. Четверть оттока из сельской периферии приходится на периферийные малые и средние городские НП. Учитывая, что в крупных городах (без учета их пригородов) проживает более чем вдвое больше населения, чем в периферийных малых и средних, отток из сельской глубинки происходит равномерно в городские НП разных размеров.

Остальная четверть оттока населения сельской глубинки идет в пригороды крупных городов; 60% его идет в пригородные городские НП, 40% – в пригородные СНП. Это склоняет чашу весов в пользу привлекательности крупных городов для жителей сельской глубинки, так как пригороды не имеют самостоятельной миграционной аттрактивности. Уже первые исследования сельских пригородов показали, что люди селятся в них вынужденно, не имея возможности переехать в крупный город из-за высокой цены жилья (Бреславский 2014). До сих пор в пригородах Улан-Удэ существует проблема острой нехватки социальной инфраструктуры, вывоза мусора, даже доступа к чистой воде².

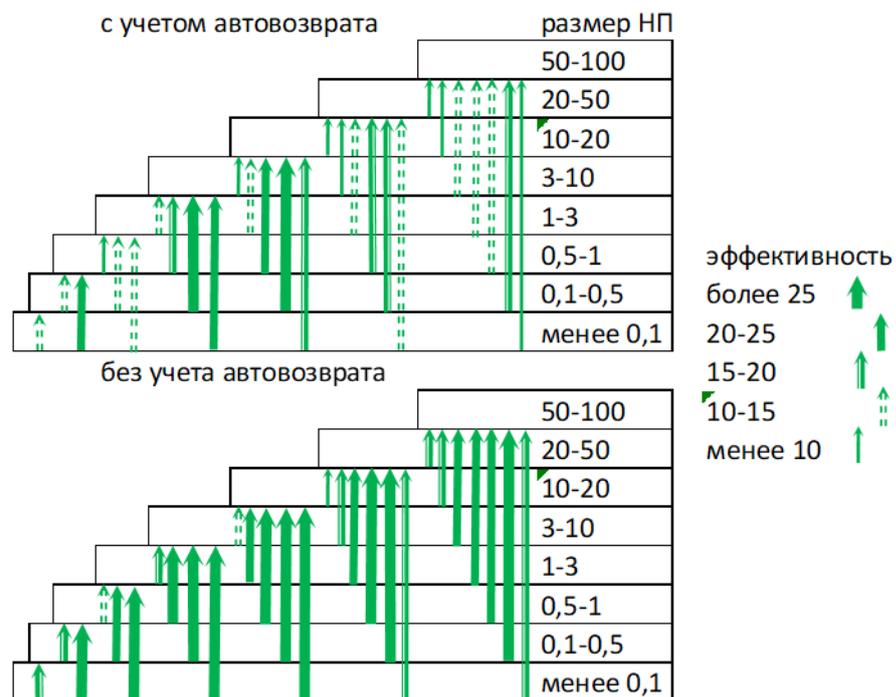
Какая-то часть горожан, переселяясь в пригороды, может видеть преимущества проживания именно в пригороде, например, экологичность окружающей среды,

² Студенческая экспедиция НИУ ВШЭ «Внутренняя миграция и урбанизация в моноцентрическом регионе (на примере Республики Бурятия)», октябрь 2019 г. <https://foi.hse.ru/openrussia/migration-ulan-ude>

удаленность от мегаполиса, возможность иметь свой клочок земли (Карачурина 2022), но для бывших сельских жителей важно жить именно близко к городу, пользуясь его рынком труда, социальной инфраструктурой и иными удобствами.

На периферии переток населения в пользу сравнительно крупных населенных пунктов (средних и малых городов) повторяет картину общестранового перетока вверх по поселенческой иерархии (Мкртчян, Гильманов 2023). Был рассчитан показатель демографической эффективности миграции (по аналогии с расчетами в работе (Plane, Henric, Perry 2005)) – как отношение нетто-миграции к брутто-миграции, или миграционного прироста к миграционному обороту между каждым уровнем поселенческой иерархии. Демографическая эффективность гипотетически колеблется от 0%, если потоки в обоих направлениях равны по размеру, до 100%, если бы был поток миграции только в одном направлении. Расчеты между 8 уровнями поселенческой иерархии показывают, что на периферии население перетекает строго вверх по иерархии (рисунок 2). Наверху «периферийной» иерархии располагаются средние города (с населением до 100 тыс. человек), внизу – малые СНП. Видно, что автовозврат сильно снижает эффективность перетока и только между соседними уровнями иерархии переток имеет слабую эффективность даже без его учета.

Рисунок 2. Эффективность миграции между уровнями поселенческой иерархии периферийных территорий (группы НП по числу жителей, тыс. человек), с учетом и без учета автовозврата, 2011-2020, %



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Причина слабой эффективности перетока между соседними уровнями поселенческой иерархии на периферии понятна и объясняется тем, что качественно улучшить условия жизни, переехав, например, из СНП с числом жителей 600 человек в СНП с числом жителей 1100 человек, не получится. Эффективнее сразу переехать в малый город или в райцентр, т. е. через 3-4 этажа поселенческой иерархии. Кроме того, переезды между соседними СНП, в пределах одного сельского поселения не обязательно сопровождаются

изменением регистрации. Но и переток из самых малых СНП в малые и средние города не так эффективен. Видимо, далеко не везде такие города есть, между этими НП выше разница в ценах на жилье и подобный переезд слишком затратен.

Возрастные особенности миграции сельского населения

Миграция сельского населения имеет выраженные структурные особенности, которые прежде всего выражаются в ее возрастном профиле. Село теряет молодое население и, в гораздо меньшей мере, привлекает лиц старших возрастов. Но, как уже было показано выше, пригородные и периферийные СНП кардинально отличаются по показателям миграционного прироста (убыли) населения; кроме того, на периферии крупные и мелкие села могут существенно отличаться по возрастному профилю миграции.

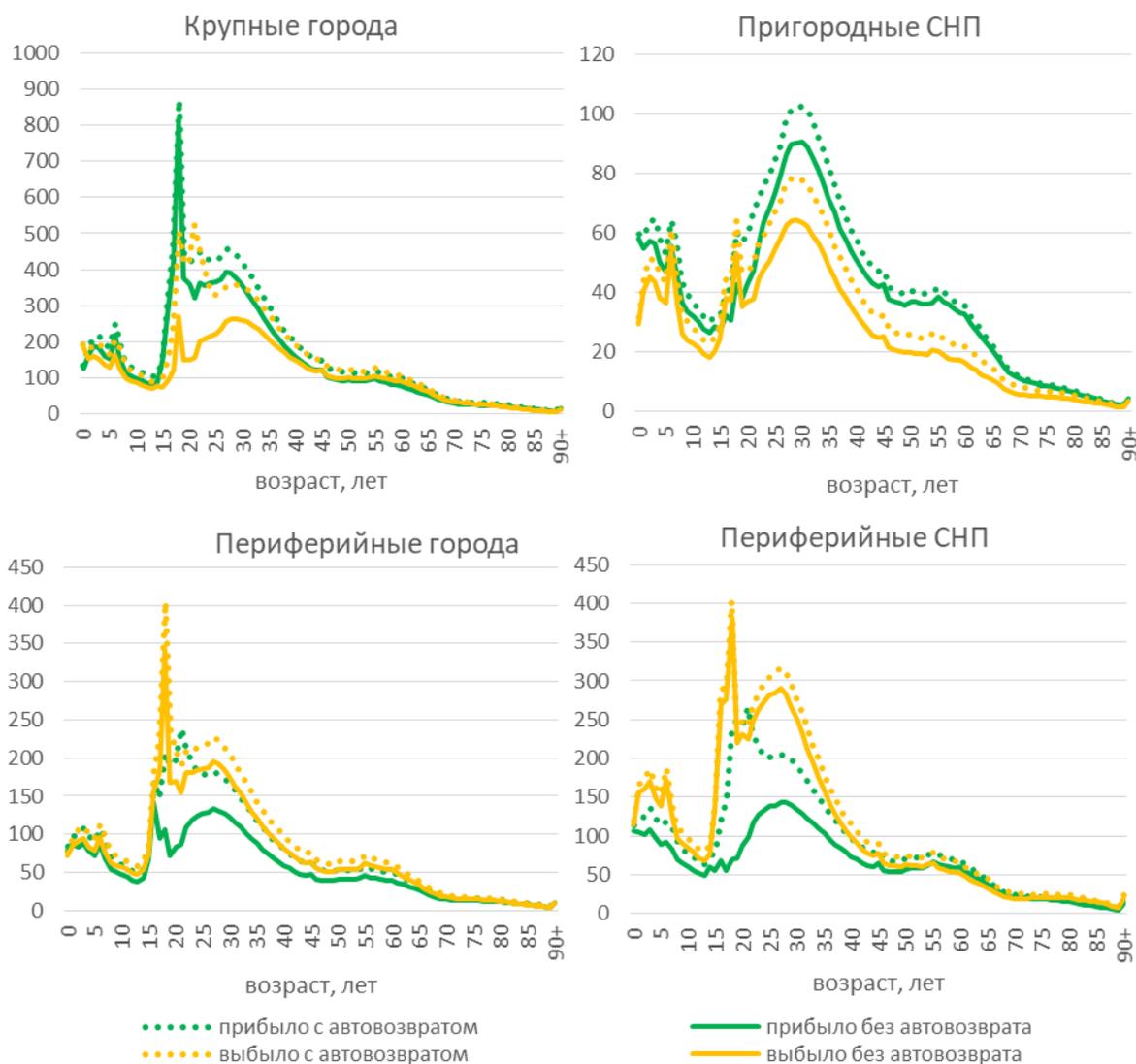
Особенности возрастной структуры прибытий и выбытий городского и сельского населения в 2011-2020 гг. представлены на рисунке 3. Данные приведены в разных шкалах и в абсолютных значениях, так как разница в численности населения между группой крупных городов и группами СНП слишком велика, а для представления возрастных коэффициентов не имелось данных для расчета знаменателя. Поэтому сразу обратим внимание, что на характер профиля оказывают влияние различия в численности населения по отдельным возрастам, прежде всего – молодого населения как наиболее активного во внутренней миграции.

Для крупных городов характерен явно выраженный пик, приходящийся на возраст 18 лет – время окончания школы и поступления в вузы. Именно в этом возрасте люди наиболее активно переселяются в связи с учебой с периферии в вузовские центры. Поэтому для периферийных городов и пгт, а также для СНП в этом возрасте характерны пики выбытий. Обратим внимание, что у периферийного сельского населения «подъем» выбытий приходится на возраст 15-16 лет – это возраст окончания основной школы и поступления в колледжи, в этих целях молодые люди часто переселяются в ближайшие города, чаще всего – райцентры и межрайонные центры. С этим связан более ранний пик прибытий в периферийные города.

Из сел (как периферийных, так и пригородных) часто уезжали в возрасте около 30 лет, о чем свидетельствуют соответствующие пики. Также виден отток семей с детьми в возрасте 3 и 6 лет – пики в этих возрастах наиболее выражены у сельского населения, прежде всего, периферийного. Устройство детей в школы и детские дошкольные учреждения в глубинке может вызвать необходимость переезда семей. Также на это влияет невысокое качество образования в сельских школах, особенно в малокомплектных (Еремин 2021).

Больше всего отличает миграцию в двух полярных группах сел превышение прибытий над выбытиями во всех возрастах в пригородах и обратная картина на периферии. А также крайне слабо выраженный пик выезда из пригородов во время окончания школы. Видимо, жители пригородов чаще всего совершают регулярные поездки на учебу в города или, если переезжают в города, то не спешат оформлять в них регистрацию.

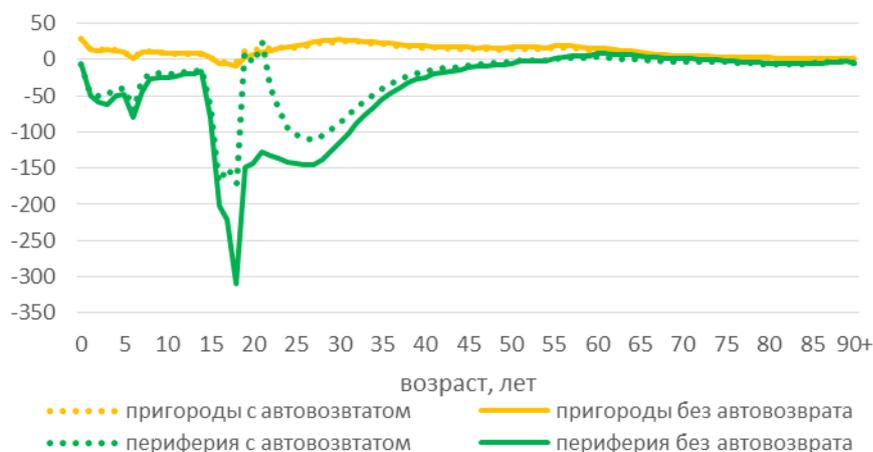
Рисунок 3. Миграция в пределах России по отдельным группам городских и сельских населенных пунктов, по 1-летним возрастным группам, 2011-2020, тыс. человек



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

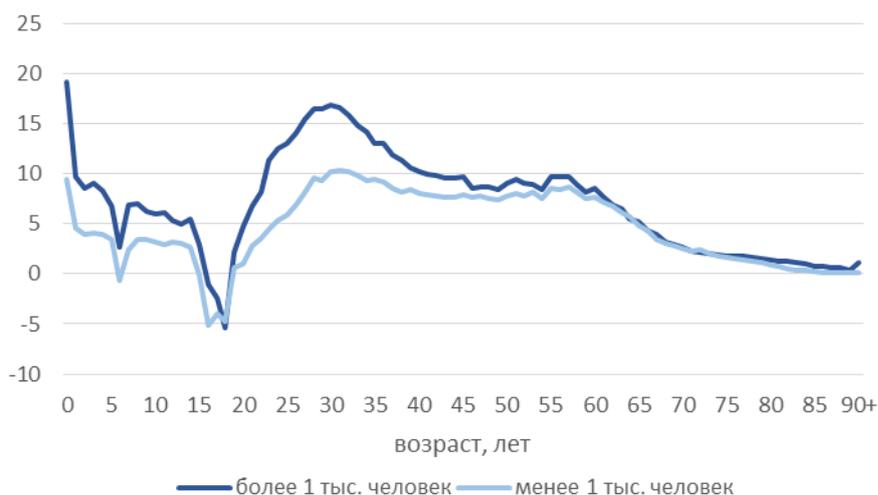
Отметим, что автовозврат больше всего влияет на прибытия на периферию – как в сельскую местность, так и в города в молодых возрастах. Также он влияет на выбытия из крупных городов в молодых возрастах, что неудивительно – это одни и те же, в значительной мере, фиктивные переселения. На показатель миграционного прироста пригородных сел автовозврат практически не влияет ни в каких возрастах (рисунок 4), в периферийных селах он сильно сокращает отток молодежи, причем в возрасте 19 и 21 год он даже обеспечивает миграционный прирост. Без учета автовозврата сокращение численности периферийного сельского населения в возрасте 15-39 лет за 2011-2020 гг. составило 3,0 млн человек, автовозврат же сократил эти потери до 1,7 млн, что тоже немало, но сглаживающий эффект нельзя не признать. Ежегодные потери 18-летних сельской периферией составляют без учета автовозврата 31 тыс. человек, автовозврат снижает их до 17 тыс.

Рисунок 4. Миграционный прирост (убыль) пригородных и периферийных СНП, 2011-2020, по однолетним возрастным группам, тыс. человек



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Рисунок 5. Миграционный прирост (убыль) населения пригородных СНП по однолетним возрастным группам, без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек



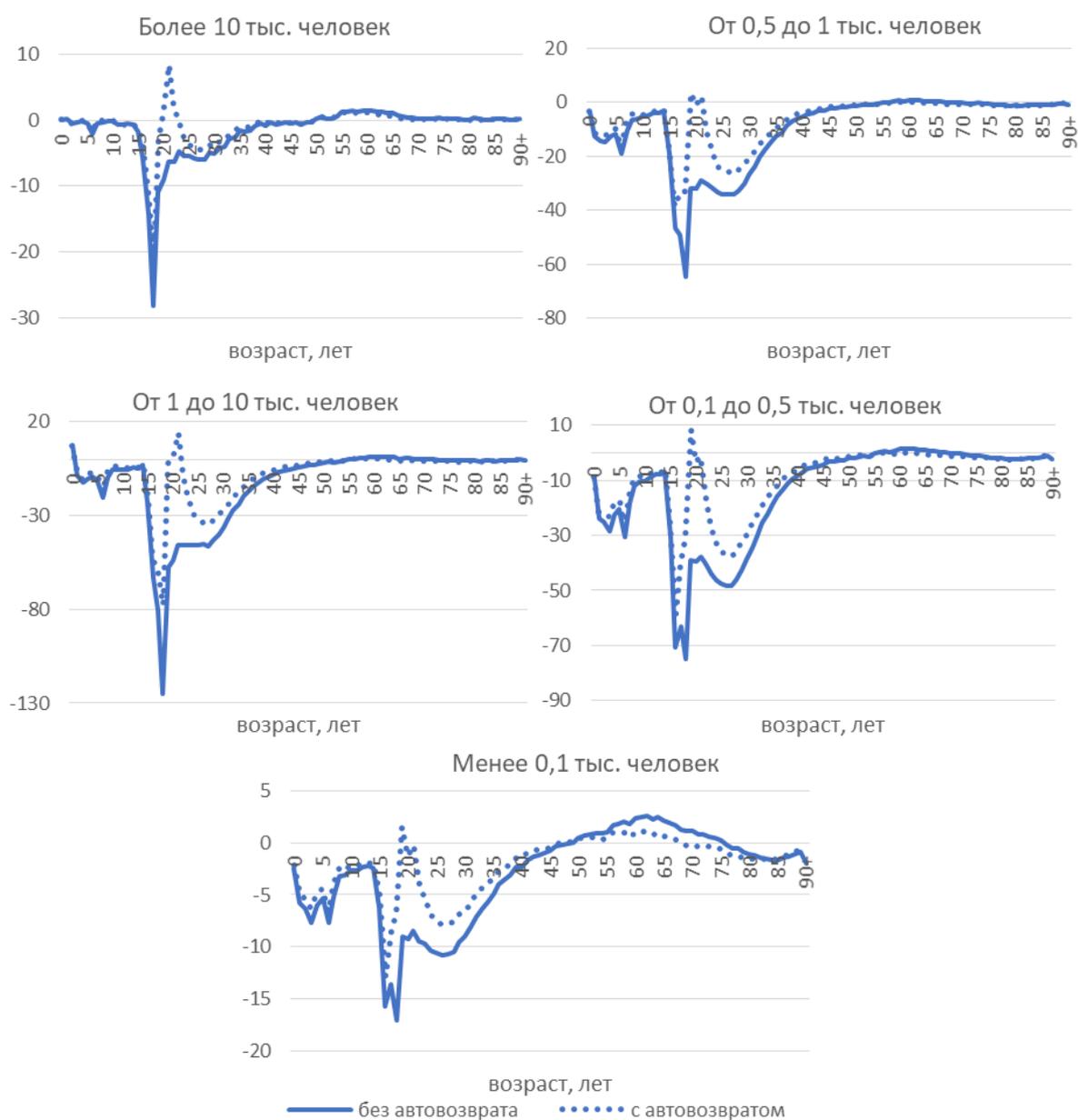
Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Расчеты миграционного прироста наиболее ярко характеризуют различия миграции в СНП разных размеров. В пригородах эти различия выражены мало, из-за сильно различающейся численности их жителей, проживающих в разных по размеру СНП, они были объединены в две группы: крупные и мелкие (рисунок 5). Возрастные профили миграционного прироста имеют очень много сходства: виден пик притока семей с детьми 0 лет, отток в возрасте 6 и 18 лет (для малых СНП – и в 16 лет, что, видимо, связано с дальними пригородами, из которых регулярные поездки в город в этом возрасте практикуются реже, проще осуществить переезд). Но в любом случае отток молодежи возраста окончания школы в пригородных СНП не сравним тем, что наблюдается на периферии. Проживание в сельской местности в глубинке настолько не привлекательно для молодежи, что исследователи отмечают трудовую миграцию из города в село, «когда

сельская молодежь остается после учебы жить в городе, но ездит на работу в село» (Сергиенко и др. 2019: 172). Подобные практики отмечаются и в других регионах России.

Периферийные СНП не менее сложны для сравнения с использованием абсолютных данных, но не будем обращать много внимания на сильную разницу шкал на рисунке 6. Даже в разном их «масштабе» видно, что в крупных СНП практически не отмечается оттока семей с детьми дошкольного возраста, но чем меньше размер села, тем этот отток становится заметнее относительно остальных возрастов. Из крупных периферийных сел практически не уезжают перед поступлением в школу, в СНП малых размеров пики оттока в 3 и 6 лет сопоставимы с пиками в возрастах 16 и 18 лет.

Рисунок 6. Миграционный прирост (убыль) населения периферийных СНП по однолетним возрастным группам, без учета автовозврата, 2011-2020, тыс. человек



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Чем меньше села по размеру, тем более выражен отток из них в возрасте 16 лет (по окончании основной школы). Подобное отмечается и в периферийных малых и мельчайших городах. После окончания средней школы отток высок из сел и периферийных городов всех размеров (и даже городов с числом жителей от 100 до 250 тыс. человек). Это связано с ограниченным распространением учреждений высшего образования на периферии и в нестоличных городах.

Без учета автовозврата периферийные села за 2011-2020 гг. потеряли 3,5 млн населения в возрасте 0-39 лет, в возрасте 40-49 лет отток был существенно, почти в 5 раз ниже, чем у тридцатилетних, в 50-69 лет отмечался небольшой приток населения в сельскую глубинку, составивший, впрочем, менее 60 тыс. человек. После 70 лет отток периферийного сельского населения возобновляется, но и близко не сопоставим с оттоком молодежи, составив всего 70 тыс. человек. При этом составляющие миграционного баланса населения разных возрастов различны для СНП разного размера (таблица 7). Если не принимать во внимание автовозврат, самые крупные села теряют поровну молодежь, отправляющуюся на учебу, и лиц в возрасте 20-29 лет. При этом потери детского населения совсем невелики. Чем мельче СНП, тем больше в общем оттоке детского и молодого населения убыль детей и меньше – молодежи, оканчивающей школу. Видимо, ввиду проблем с получением образования в малых селах семьи часто принимают решение уехать еще до поступления детей в школу.

Таблица 7. Составляющие миграционной убыли детского и молодого населения в периферийных СНП, без учета автовозврата, 2011-2020, %

Возраст, лет	Все периферийные СНП	В том числе по численности населения, тыс. человек				
		более 10	1-10	0,5-1	0,1-0,5	менее 0,1
0-6	10,1	2,3	5,8	10,8	13,5	14,7
7-15	7,9	3,4	6,0	7,8	9,6	10,8
16-19	24,8	38,8	29,2	23,6	21,0	19,8
20-29	38,9	39,2	40,9	39,4	37,3	35,4
30-39	18,3	16,3	18,1	18,3	18,6	19,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

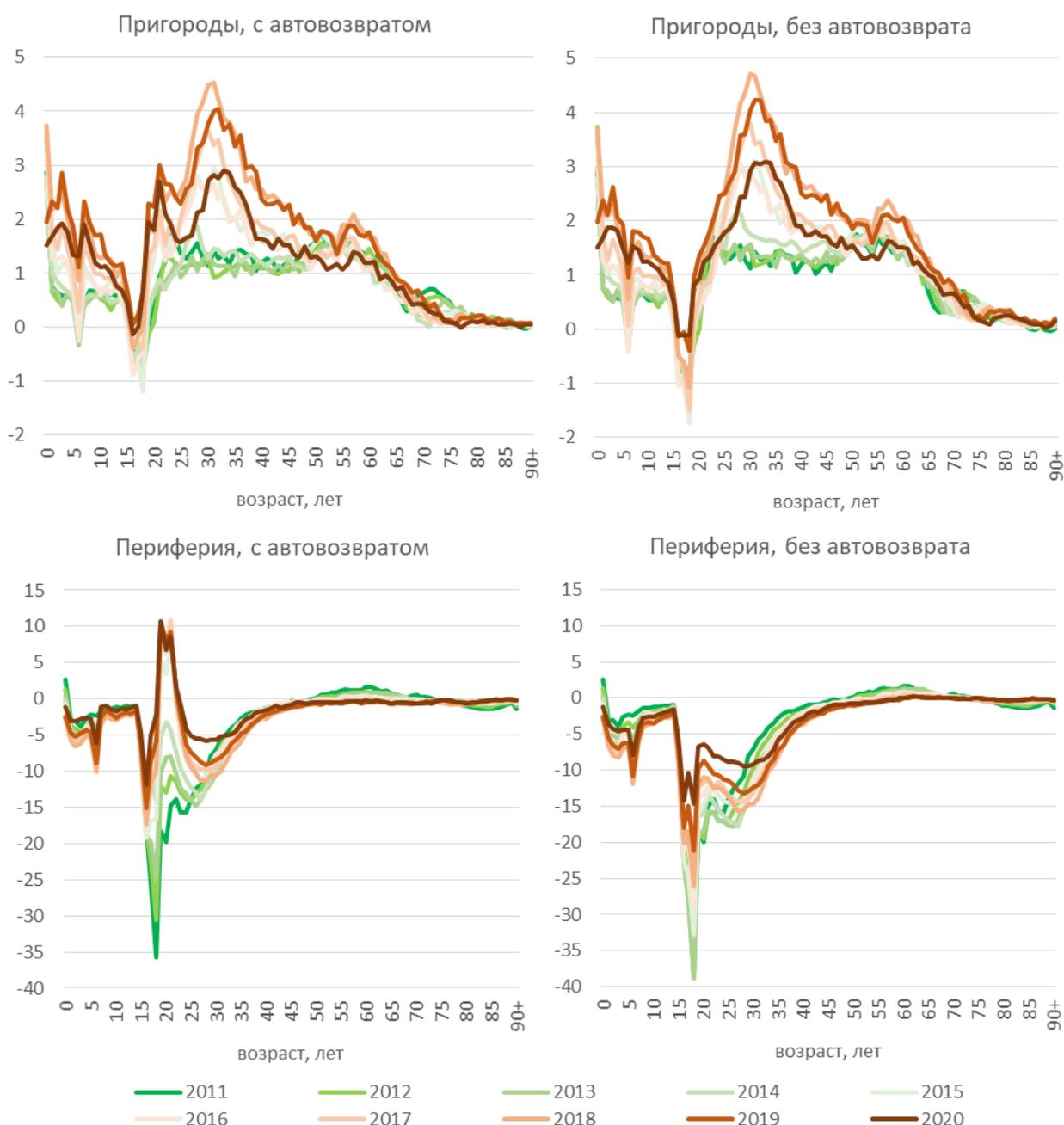
Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Отток населения прекращается к возрасту 50 лет из самых крупных и самых мелких СНП, в селах среднего размера он продолжается до возраста 55 лет. В селах среднего размера отток пожилых возобновляется в более раннем (с 66-67 лет) возрасте, в самых малых он стартует после 75 лет, но достигает относительно больших масштабов, чем в более крупных СНП. В самых крупных СНП, сопоставимых по размеру с малыми городами, оттока «старых» пожилых не наблюдается. Видимо, в «старом» пожилом возрасте, по мере нуклеаризации семей вследствие смерти одного из супругов проживание в селах с проблемами доступа к самым элементарным услугам здравоохранения становится для части пожилых критически важной, что побуждает их переезжать. Люди пожилого возраста сталкиваются в глубинке с обеднением сельского социального пространства, оказываются без доступа к услугам (Фомкина 2017), что также вынуждает их уезжать из села. Эти процессы получили распространение во многих странах (Карачурина, Иванова 2017), российский кейс в этом не уникален.

Как было показано в таблице 3, миграционный прирост сельских пригородов в 2010-е гг. нарастал, этот рост обеспечивали все возрастные группы, кроме пожилых (рисунок 7). Особенно заметно увеличение миграционного притока в пригороды семей с

детьми дошкольного и младшего школьного возраста, а также людей в возрасте 25-40 лет. Возможно, это – следствие роста привлекательности пригородов для этой категории населения, но нельзя исключать и влияния волновых изменений возрастной структуры населения, характерных для России.

Рисунок 7. Динамика миграционного прироста (убыли) сельского населения с учетом и без учета автовозврата, 1-летние возрастные группы, тыс. человек



Источник: Расчеты на основе данных, предоставленных Росстатом по запросу.

Изменение миграционной убыли периферийных СНП во второй половине 2010-х годов заметно по молодым возрастам, но здесь она была, видимо, в первую очередь следствием волновых процессов, чередования сравнительно малочисленных и

многочисленных поколений. Убыль детей 0-14 лет во второй половине 2010-х увеличилась, отток молодежи 15-29 лет сократился, убыль 30-39 летних увеличилась. Но очень большое влияние оказывал и автовозврат: пик миграционного прироста в возрастах 19-22 лет появился в 2015 г., сильно занижен и отток населения в более старших возрастах. В 2018-2019 гг. автовозврат 19-22-летних компенсировал 2/3 миграционной убыли 15-18-летних в тех же годах или 51% убыли в 2014-2015 гг. Понятно, что такая доля возвратившихся в сельскую глубинку после обучения в колледжах и вузах нереальна. Возвратная миграция могла в реальности иметь место, но какая доля молодежи возвратилась в сельскую глубинку после обучения – большой вопрос. Это может быть 10-15% или больше, но таких значений она не достигает.

Низкую долю желающих вернуться после обучения в городе в сельскую местность показывают и результаты социологических обследований, например, обследование молодежи Алтайского края, проведенное в 2017 г. (Сергиенко 2019). Многие из тех, кто все же возвращается, участвуют в маятниковой миграции в города или ездят на работу вахтовым методом. Это могут быть возвращающиеся на «подготовленное» рабочее место – дети сельских предпринимателей (Сергиенко и др. 2019) или немногочисленные закончившие обучение на целевых местах в вузах (Андреева, Карачурина 2021). Поэтому полевые исследования фиксируют расхождение реальных оценок молодого сельского населения с официальными данными (Фомкина 2017), подтверждают эти оценки и студенческие экспедиции НИУ ВШЭ³.

Выводы

Миграция в города неуклонно ведет к сокращению сельского населения России. Темпы этого сокращения не так высоки, как в советский период, но и людские ресурсы сельской местности в глубинке зачастую сократились с того времени в разы. Данные, публикуемые Росстатом, не позволяющие оценить автовозврат, существенно занижают миграционную убыль сельского населения периферии, особенно в последние годы. Занижается как общий отток сельского населения из глубинки, так и, в еще большей мере, отток молодежи. В то же время автовозврат искажает приток сельского населения в города, в том числе малые и средние на периферии. Однако этот процесс компенсируется, в свою очередь, занижением оттока населения из них в крупные города и их пригороды.

Как показали предыдущие исследования (Mkrтчyan 2019), зональность в миграции сельского населения выражена слабо. Сельская местность юга России также теряет население в результате миграции, но лишь немного меньшими темпами, чем село других частей страны. Решающую роль оказывает положение СНП по отношению к крупным городам, т. е. являются ли они пригородными или находятся вдали от крупных городов, на периферии. Приток населения в сельские пригороды крупных городов камуфлирует отток сельского населения из периферийных территорий.

Сельские пригороды привлекательны для мигрантов благодаря близости крупных городов, и чем они привлекательнее для мигрантов, тем привлекательнее их пригороды.

³ Проект студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново» был запущен в 2017 г. (см.: <https://foi.hse.ru/openrussia/>). Экспедиции стали важной частью магистерской программы «Демография» (подробнее см.: <https://www.hse.ru/ma/demography/expeditions>).

Привлекательность пригородов мало зависит от привлекательности конкретных НП, главное – близость или удаленность от городов

На периферии способность удержать население зависит от размера СНП. Идет переток населения из малых населенных пунктов в сравнительно крупные (в полном соответствии с общестрановым перетоком населения вверх по поселенческой иерархии), но автовозврат сильно занижает его масштабы. На локальном уровне сельско-городская и сельско-сельская миграция способствует концентрации населения в крупных и крупнейших сельских населенных пунктах. Продолжается *поляризация освоенных пространств* (Нефедова, Трейвиш 2020). Идут взаимосвязанные процессы: депопуляция ведет к деградации сети СНП и базовых функций по обслуживанию населения, которые, в свою очередь, ведут к дальнейшему оттоку населения из села (Ткаченко, Смирнов, Смирнова 2019). Малые СНП теряют не только молодое население, но и семьи с детьми, причина – отсутствие в них базовой социальной инфраструктуры или низкое качество социальных услуг.

Соотношение численности селян, проживающих в сельской периферии и в сельских пригородах крупных городов, быстро меняется в пользу последних. Пригородные СНП испытывают интенсивный миграционный прирост, в то время как периферийное село не менее интенсивно убывает за счет миграции. Без учета этого миграционный баланс сельского населения подобен «средней температуре по больнице».

По нашей оценке, за счет внутренней миграции сельское население в 2010-е годы ежегодно сокращалось на 150-250 тыс. человек, сельская периферия испытывала отток в 250-350 тыс. в год и эту убыль почти полностью обеспечивает молодое население, семьи с детьми. Небольшой миграционный прирост сельской периферии обеспечивает только население предпенсионных и младших пенсионных возрастов, но и он сходит на нет вследствие оттока «старых» пожилых. В целом миграция усиливает старение сельского населения, но позволяет несколько снижать темпы старения в городах.

Литература

- Аверкиева К.В. (2022). Сельская джентрификация в российском Нечерноземье. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 6, 119-128. <https://doi.org/10.55959/MSU0579-9414-5-2022-6-119-128>
- Аверкиева К.В., Зернов Ф.В. (2023). Вологодско-Костромское пограничье: однородны ли «медвежьи углы»? *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2023 87(8), 1287-1302. <https://doi.org/10.31857/S2587556623080046>
- Аверкиева К.В., Глезер О.Б., Нефедова Т.Г., Никулин А.М., Покровский Н.Е., Пугачева М.Г., Смирнов С.Н., Трейвиш А.И. (2021). Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России». *Крестьяноведение*, 6(1), 154-169. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-154-169>
- Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 6, 55-61.

- Андреева Е.А., Карачурина Л.Б. (2021). Стратегии миграции врачей в периферийные муниципальные образования (на примере Тверской области). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, 316-338. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1725>
- Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационного уровня в России (2019). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 4, 31-45. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>
- Бреславский А.С. (2020). Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? *Городские исследования и практики*, 5(4), 16-34. <https://doi.org/https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>
- Бреславский А.С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. (2022). Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах. *Вопросы образования*, 2, 88-116. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
- Григоричев К.В. (2013). В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография. Иркутск: Оттиск.
- Егоров Д.О. (2022). Трансформация расселения и сети школ в сельской местности республики Татарстан. *Региональные исследования*, 1(75), 42-55. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-1-4>
- Егоров Д.О., Николаев Р.С. (2022). Основные этапы, направления и факторы реформирования школьной сети в сельской местности России. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 4, 64-78.
- Еремин С.В. (2021). Неравенство в образовании на селе. *Крестьяноведение*, 6(3), 124-134. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-3-124-134>
- Зайончковская Ж.А. (1999). Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации. *Мир России*, 4, 22-34.
- Иоффе Г., Нефедова Т. (2004). Фрагментация сельского пространства России. *Вестник Евразии*, 4, 69-93.
- Карачурина Л.Б. (2022). Урбанизация или субурбанизация определяет миграцию населения в Московской области? *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67(2), 360-381. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.208>
- Карачурина Л.Б., Иванова К.А. (2017). Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.). *Региональные исследования*, 3(57), 51-60.
- Махрова А.Г. (2014). Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России. *Известия РАН. Серия географическая*, 4, 49-59. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-49-59>
- Мкртчян Н.В. (2023). Внутренняя миграция в России в 2010-е гг. – макрорегиональные особенности. *Демографическое обозрение*, 10(3), 21-42. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i3.17968>

- Мкртчян Н.В. (2024). Динамика населения Крайнего Севера и Арктики: анализ на основе данных всероссийских переписей 2010 и 2020 гг. *Проблемы прогнозирования*, 2, 98-112. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-203-98-112>
- Мкртчян Н.В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века. *Известия РАН. Серия географическая*, 6, 19-32
- Мкртчян Н.В. (2020). Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. *Демографическое обозрение*, 7(1), 83-99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>
- Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. (2023). Движение вверх: миграция между уровнями поселенческой иерархии в России в 2010-е годы. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 1, 29-41. <https://doi.org/10.31857/S2587556623010132>
- Нефедова Т.Г. (2019). Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России. *Пространственная экономика*, 15(4), 36–56. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.036-056>
- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 5, 58-67
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения. *Демографическое обозрение*, 7(2), 31-53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>
- Никулина Ю.Н., Арефьева В.А., Сарайкин В.А. (2022). Альтернативная сельская занятость и её связь с возвратной миграцией горожан. *Народонаселение*, 25(1), 118-128. <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.10>
- Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А. (2020). Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации. *Социологические исследования*, 12, 54-64 <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>
- Рыбаковский Л.Л., Зайончковская Ж.А., Вишневский А.Г., Тольц М.С., Синельников А.Б., Журавлева И.В., Филиппов Ф.Р., Костаков В.Г. (1988). *Население СССР за 70 лет*. М., Наука.
- Сергиенко А.М., Иванова О.А. (2018). Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы. *Регион: экономика и социология*, 1(97), 116–141
- Сергиенко А.М. (Ред.) (2019). Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край. Коллективная монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Сергиенко А.М., Родионова Л.В., Колесникова О.Н., Иванова О.А. (2019). Практики и драйверы миграционного поведения сельской молодежи в сибирском аграрном регионе. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 47, 168-178. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/18>
- Тиникова Е.Е. (2020). Урбанизация в Хакасии в постсоветский период: основные векторы развития. *Городские исследования и практики*, 5(4), 87-102. <https://doi.org/10.17323/usp54202087-102>

- Ткаченко А.А., Смирнов И.П., Смирнова А.А. (2019) Трансформация сети центров сельского расселения в низовом районе Центральной России. *Вестник Московского Университета. Серия 5. География*, 2, 78-85.
- Трейвиш А.И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 4, 22-32. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2014-4-22-32>
- Трейвиш А.И. (2016). Сельско-городской континуум: судьба представления и его связь с пространственной мобильностью населения. *Демографическое обозрение*, 3(1), 52-70. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1763>
- Фомкина А.А. (2017). Трансформация сельских систем расселения в староосвоенном Нечерноземье с конца XIX до начала XXI в. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 5, 68-75
- Чучкалов А.С., Мищук С.Н., Греля Н.К. (2021) Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области). *Крестьяноведение*, 6(4), 136-163. <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-4-136-163>
- Эндрюшко А.А. (2018). Масштабы и направления молодежной миграции Иркутской области (1989–2015 гг.). *Региональные исследования*, 2(60), 32-43.
- Mkrтчyan N.V. (2019). Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*, 3(1), 39-51. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34780>
- Plane D.A., Henricc C.J., Perry M.J. (2005). Migration up and down the urban hierarchy and across the life course. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS)*, 102(43), 15313–15318. <https://doi.org/10.1073/pnas.0507312102>